

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЛИФЛЯНЦА. (*)

1790—1815.

—
III.

1812.

Вторичное вступленіе въ службу.—Начало войны 1812 года.—Порученіе къ королю неаполитанскому.—Маршъ къ Дорогобужу.—Командировка въ Москву.

Въ 1812 году, желаніе мое вновь поступить на службу исполнилось скоро. Прежде нежели мною была подана просьба, я получилъ записку отъ военнаго министра, Барклая-де-Толли, въ которой, по приказанію его величества, онъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, предлагалъ мнѣ службу. Я поступилъ прежнимъ маіорскимъ чиномъ, отправился въ главную квартиру, собиравшуюся въ Вильнѣ, и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ первой арміи. Должность эта, прежде несуществовавшая, требовала занятій непосредственно при особѣ главнокомандующаго, и Барклай-де-Толли скоро оказалъ мнѣ свое полное довѣріе, возложивъ на меня трудное и сложное порученіе.

Получено было достовѣрное извѣстіе, что изъ пограничныхъ мѣстъ губерній Вѣлостокской и Гродненской провозились тайно хлѣбъ и другіе жизненные припасы, равно были проводимы и воны, въ герцогство Варшавское, гдѣ французская армія занимала кантонирь-квартиры. Мнѣ даны были, для изслѣдованія

(*) См. № 5 „Военнаго Сборника“.

этого дѣла, обширныя полномочія, и я выѣхалъ чрезъ два часа по полученіи приказанія. Переговоривъ въ Гродно съ тамошнимъ губернаторомъ Ланскимъ, а въ Бѣлостокѣ съ губернаторомъ Щербининымъ о предполагаемыхъ къ принятію мѣрахъ, отправился я въ Крынки и въ Дрогичинь, гдѣ были пограничныя таможни и гдѣ я надѣялся собрать точныя свѣдѣнія о контрабандѣ, которая въ то время была тождественна съ государственною измѣною. Хотя виновные и позаботились окружить непроницаемою тьмою всѣ тропинки и закоулки своего преступнаго торга, однако, вооружась терпѣніемъ и непреклонностію при производствѣ слѣдствія, пользуясь притомъ своимъ полномочіемъ, я скоро напалъ на тайныя пути и отыскалъ контрабандистовъ. Многіе виноватыя польскіе помѣщики успѣли бѣжать за границу, но ихъ пособники, въ особенности евреи, были арестованы. Между тѣмъ, агенты замѣшанныхъ въ дѣло таможенныхъ чиновниковъ предлагали мнѣ подъ рукою *пять тысячъ* голландскихъ червонцевъ, если я соглашусь кончить слѣдствіе обычнымъ образомъ, т. е. ничѣмъ, а жидовки, отъ имени своихъ мужей, представляли мнѣ въ перспективѣ еще такую же сумму. Онѣ подняли ужаснѣйшій вой, когда я отвергъ съ негодованіемъ предложенныя деньги, вообразивъ, что я хочу взять вдвое больше.

Чтобы быть по близости производившагося слѣдствія и вдали отъ вліянія постороннихъ, я поселился верстахъ въ пятнадцать отъ Бреста-Литовскаго, въ одномъ изъ многихъ загородныхъ палаццо княгини Чарторыйской, который хотя и былъ необитаемъ и запущенъ, но все еще сохранилъ слѣды прежняго великолѣпія. Здѣсь жилъ я уединенно, окруженный слѣдственными чиновниками и писарями.

Слѣдственное дѣло продолжалось уже четвертую недѣлю, и я получалъ изъ главной квартиры предписаніе за предписаніемъ кончить его скорѣе. Это было и моимъ собственнымъ желаніемъ, потому что судебное разбирательство потрясало самыя чувствительныя струны моего сердца. Отправивъ всѣ бумаги съ двадцатью- семью подсудимыми, подъ военнымъ конвоемъ, въ Вильну, я вслѣдъ за ними и самъ поѣхалъ въ главную квартиру. Здѣсь меня приняли холодно и поставили на видъ, что слѣдствіе надлежало бы вести скорѣе. Даже Барклай, привыкшій къ подобнымъ дѣламъ и ихъ результатамъ, замѣтилъ мнѣ сухо: „Подъ носомъ у неприятеля надобно дѣйствовать быстро“.

Съ горечію посмотрѣлъ я на свои бумаги, содержавшія въ себѣ болѣе семисотъ листовъ, надъ которыми работала день и ночь, подумала объ отношеніяхъ многописанія къ дѣлу и утѣшился тѣмъ, что не я же выдумала письменное тоженіе воды.

Пока я писала и заставляла писать, совершилось вѣчно-намятное событіе. За два дня передъ возвращеніемъ моимъ въ Вильну, наполеонова армія перешла Нѣманъ. Войну предвидѣли, считали неизбежною; тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное ея дѣйствительнымъ началомъ, было громадное, потрясающее.

Сначала думали принять бой у Вильны и войскамъ уже было приказано сосредоточиться; но отъ этой мысли отказались скоро: огромный численный перевѣсъ противника могъ бы имѣть нагубныя послѣдствія. Да и самое положеніе города не представляло мѣстности, на которой можно было бы съ успѣхомъ противостать наперу французскихъ колоннъ. Рѣшено было очистить Вильну, удалить отсюда или истребить немногіе военные магазины. Она совершившагося факта взяла свое: прежде одна мысль оставить безъ выстрѣла столицу Литвы казалась всякому измѣною; когда же очищеніе пончилось, всѣ нашли такую мѣру необходимою и неизбежною.

Главная квартира императора Александра уже была переведена въ Свенцаны, и Барклая ожидали только исполненія нѣкоторыхъ распоряженій, чтобы выѣхать изъ Вильны. Въ этотъ моментъ главнокомандующій являлъ собою привлекательное зрѣлище: между тѣмъ какъ все вокругъ него хлопотало, суетилось, всѣ лица выражали внутреннее волненіе, тревогу, ожесточеніе, онъ одинъ сохранялъ спокойствіе души, во всему готовый, на все рѣшительный. Хладнокровно, безъ торопливости отдавалъ онъ приказанія и, глубоко затаивъ свои планы, казался мало сообщительнымъ, даже съ самыми приближенными къ нему лицами.

16-го іюня, въ первомъ часу пополудни, Барклай оставилъ, со своею главною квартирою, Вильну. Съ тѣмъ вмѣстѣ началось давно предначертанное, неоднократно обсужденное, сильно оснашиваемое и потребовавшее большихъ издержекъ отступленіе къ Двинѣ, въ пресловутый дрисскій лагерь. Для замедленія быстрого натиска непріятеля, оставленъ былъ сильный арьергардъ. Гвардейскіе казаки имѣли при Антоколѣ, предвѣсть

Вильны; успѣшное дѣло и взяли въ плѣнъ ротмистра графа Октавія Сетюра (брата знаменитаго впоследствии историка этой войны). Отступление по различнымъ дорогамъ исполнено было въ совершеннѣйшемъ порядкѣ.

На мою долю выпала теперь пріятная, хотя и трудная работа: главнокомандующій поручилъ мнѣ писать донесенія государю императору; что, при тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, могло случаться не только во всякое время дня, но и ночью. Самъ Барклай былъ неутомимъ: занятый днемъ разнообразными трудными какъ полководецъ, большую часть ночей проводилъ онъ въ обдумываніи своихъ предначертаній, надъ картами и планами. Въ эти ночные часы онъ присылалъ за мною, приказывалъ изложить на бумагѣ свои мысли въ формѣ донесеній и тотчасъ же отправлялъ ихъ съ ожидавшимъ уже фельдъегеремъ.

Пока армія совершала свое отступательное движеніе, главная квартира прибыла 22-го іюня въ Видзы. На другой день, арьергардъ, подъ начальствомъ генерала Корфа, имѣлъ жаркую схватку, у Даугелишекъ, съ авангардомъ французовъ, которымъ командовалъ Себастіани. Наша кавалерія, въ этомъ первомъ дѣлѣ, дѣйствовала превосходно. Французы повели атаку энергически и очевидно ходили обойти насъ; но генералъ маркизъ Паулучи, поспѣшивъ на мѣсто боя, хорошо расположилъ батареи, и напиравшій непріятель былъ отброшенъ графомъ Кутайсовымъ и его храбрыми артиллеристами. Я сопровождалъ маркиза Паулучи, принялъ участіе въ дѣлѣ, и мнѣ удалось оказать услугу принцу Гогенлоэ-Кирхбергу. Этотъ молодой человекъ, эскадронный командиръ виртембергской легкой конницы, получилъ, при кавалерійской атакѣ, тринадцать или четырнадцать ранъ, упалъ съ коня и подвергался опасности быть раздавленнымъ. Я приказалъ подобрать принца и позаботился о поданіи ему первой помощи. Въ нашихъ рядахъ красивый юноша возбудилъ общее къ себѣ участіе своею кротостію и терпѣніемъ, съ которымъ переносилъ свои страданія.

Недоброжелательные люди, завистливо смотрѣвшіе на доброе мнѣніе обо мнѣ главнокомандующаго и на довѣріе, оказываемое имъ мнѣ по самымъ важнымъ или секретнымъ дѣламъ, задумали противъ меня козв. Планъ былъ составленъ хитро. Сначала хотѣли постепенно удалить меня отъ Баралая откомандировками изъ главной квартиры и, такимъ образомъ, заставить его поручать возлагаемыя на меня работы другимъ; изъ

своего друга, разсчитывая овладѣть современемъ его довѣрiемъ, а меня устранить совершенно. Для перваго опыта враги мои придумали особаго рода порученiе и стали восхвалять предъ главнокомандующимъ именно меня, какъ наиболѣе способнаго выполнить это щекотливое порученiе. Дѣло шло о посылкѣ во французскую армiю безъ всякаго видимаго предлога, единственно для того, чтобы высмотрѣть и узнать что-нибудь. Прямодушный Барклай согласился тѣмъ охотнѣе, что желалъ доставить мнѣ случай къ отличiю, снабдилъ меня инструкцiями, и я отправился въ опасный путь.

Армiя наша выступила, вечеромъ 23-го iюня, изъ Видзѣ и направилась къ Опсѣ, вслѣдствiе чего наша главная квартира отдалилась слишкомъ на пятьдесятъ верстъ отъ французскихъ аванпостовъ, стоявшихъ у Даугелишекъ. Графъ Кутайсовъ, командовавшiй арьергардомъ, находился на полупути у Видзѣ. Онъ далъ мнѣ свѣжаго коня, трубача и двухъ улановъ. Долго ѣхалъ я, прежде чѣмъ увидѣлъ французовъ. Наконецъ показалея вдаль патруль изъ двѣнадцати человекъ, который я напрасно старался остановить знаками. Я приказалъ трубачу трубить; но и это не помогло: всадники повернули коней къ своимъ аванпостамъ дать знать о моемъ прибытiи. Между тѣмъ, я приблизился къ французскимъ ведетамъ: они бросились на меня съ опущенными пиками и съ обнаженными саблями. Тогда я слѣзъ съ коня, желая показать, что прибылъ не съ враждебными намеренiями, и пошелъ къ ведетамъ. Въ тотъ же моментъ подѣхалъ ко мнѣ офицеръ и спросилъ, чего я желаю. Я предъявилъ ему привезенное письмо; но онъ, не сказавъ ни слова, велѣлъ кавалеристамъ окружить меня, а самъ ускакалъ.

Вскорѣ подѣхали ко мнѣ генералы Себастиани и Сюбервикъ, слѣзли также съ коней, спросили меня о цѣли моего прибытiя и пригласили послѣдовать за ними въ ближайшую горчму, гдѣ надлежало дожидаться приказанiй короля неаполитанскаго. Между тѣмъ, генералъ Себастиани приказалъ подать хорошiй завтракъ, и началась двухчасовая бесѣда о событiяхъ дня. По данной мнѣ инструкцiи, я долженъ былъ утвердить французскихъ генераловъ въ мысли, что приеланъ отъ графа Виттенштейна, незамѣтно вовлечь ихъ въ разговоръ и изъ словъ ихъ заимствовать все для насъ полезное. Генералъ Себастиани, человекъ хотя и весьма умный и любезный, но нѣ-

сколько тщеславный и словоохотливый, превзошел мое ожиданіе неоднократно нескромностію, такъ что впоследствии я могъ доставить главнокомандующему очень удовлетворительныя свѣдѣнія.

Во время нашей бесѣды пріѣхалъ король неаполитанскій, въ своемъ пышномъ и разноцвѣтномъ нарядѣ, оруженый блистательнымъ штабомъ. Онъ показался мнѣ привлекательно-красивымъ мужчиною, съ правильными чертами лица, выражавшаго умъ; самое обращеніе вовсе не обличало его происхожденія: онъ какъ будто родился королемъ. Я былъ представленъ ему и передалъ письмо. Прочитавъ письмо, Мюратъ тотчасъ же приказалъ заготовить отвѣтъ и спросилъ у меня, гдѣ я оставилъ государя императора. Я отозвался невѣдніемъ о мѣстопробываніи его величества, такъ какъ прислалъ отъ графа Витгенштейна.

— Гм! — возразилъ Мюратъ. — Мы очень хорошо знаемъ, гдѣ теперь Витгенштейнъ.

Я отвѣчалъ, что не имѣю надобности увѣрять его въ истиннѣ моихъ словъ и долженъ предоставить ему остаться при своемъ мѣстѣ.

— Скажите — продолжалъ король послѣ минутнаго молчанія — какимъ образомъ двѣ націи, предназначенныя уважать другъ друга, теперь враждуютъ между собою?

— Вѣроятно, ваше величество, это происходитъ оттого, что оба народа созданы быть хозяевами въ своемъ домѣ и должны навѣщать другъ друга развѣ только въ почтовыхъ наретахъ, а не съ такою грозною свитою, какою я вижу около вашего величества.

Мюратъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы уже потеряли цѣлыя области, будете оттѣснены еще дальше и скоро наскучите войною.

— Нѣтъ, ваше величество, по мѣрѣ утратъ усиливается въ насъ любовь къ войнѣ, а такъ какъ простора у насъ довольно, то мы и отступаемъ, чтобы выиграть настоящую дистанцію.

— Ба! — возразилъ Мюратъ съ живостію — вы узнаете на дѣлѣ, что значить терять цѣлыя области, но убѣжденіе ваше будетъ запоздающее.

Обратясь затѣмъ къ Себастьяни, онъ приказалъ доставить мнѣ все нужное, но отпустить меня не прежде, какъ будетъ конечно предназначенное наступательное движеніе. На обычные,

въ подобныя случаи, протесты мои не обратили вниманія. Трубачъ и ординарцы были окружены, и Себастиани предложилъ мнѣ сѣсть на коня и послѣдовать за нимъ.

Тогда началось общее движеніе: впереди Себастиани съ бригадою Сюрбержна, состоявшею изъ полка польскихъ улановъ (10-го), виртембергскаго легко-коннаго и двухъ эскадроновъ прусскихъ улановъ. Предшествуемые небольшимъ авангардомъ, мы направились къ Видзамъ. Передъ самымъ въѣздомъ въ это мѣстечко, Себастиани вынулъ изъ кармана двѣ орденскія звѣзды и прикрывъ ихъ къ мундиру, желая, вѣроятно, порисоваться передъ немногими грязными евреями, которые только одни и остались въ жалкомъ заколустѣ. Я не могъ не улыбнуться при видѣ такого фанфаронства и по одной этой чертѣ узналъ бонапартовскаго царедворца.

За день передъ тѣмъ, я ужиналъ въ трактирѣ мѣстечка съ генераломъ Всеволодскимъ, шефомъ Елисаветградскаго гусарскаго полка. Такъ какъ Себастиани остановился въ томъ же домѣ и приказалъ обо всемъ спрашивать хозяина трактира, то я рѣшился воспользоваться столь благопріятнымъ для меня обстоятельствомъ. Я предложилъ Себастиани спросить у хозяина, не узнаетъ ли онъ меня и не тотъ ли я, который вчера ужиналъ у него съ генераломъ Витгенштейномъ? Трактирщикъ, не видавшій въ лицо ни Витгенштейна, ни Всеволодскаго, но поминувшій меня, отвѣчалъ самоувѣренно, что „точно я ужиналъ вчера у него съ гусарскимъ генераломъ, фамилія котораго начинается буквою *В* и который заплатилъ ему щедро“. Съ этой минуты Себастиани уже не сомнѣвался въ истинѣ моихъ словъ и поспѣшилъ сообщить о томъ Мюрату.

Радость моя была однако помрачена другаго рода неожиданностію: при мнѣ привели нѣсколько русскихъ переметчиковъ, которые на предложенные имъ вопросы отвѣчали, что „бѣжали не желая умереть съ голода“. Себастиани выслушалъ ихъ показаніе съ видимымъ удовольствіемъ и посмотрѣлъ на меня съ торжествующимъ лицомъ. Позже я узналъ, что переметчики были поляки. Поговорка: одна бѣда родитъ другую, сбылась и на мнѣ: явившійся трубачъ объявилъ, что одинъ изъ моихъ улановъ бѣжалъ и съ лошадыю. Я тутъ же потребовалъ у Себастиани выдани бѣглеца, и когда генералъ приказалъ немедленно исполнить мое требованіе, однако я уже никогда не видалъ дезертира. Этотъ солдатъ былъ также полякъ.

Вынужденное пребываніе мое у французовъ продолжалось ровно двадцать четыре часа. Въ теченіе этого времени, я неоднократно имѣлъ разговоръ съ Себастіани. Между прочимъ, онъ спросилъ меня: въ какой мѣстности имперіи родился я? Я назвалъ прибалтійскія губерніи, именно Эстляндскую. На это генераль замѣтилъ, что тамъ французы еще не имѣютъ сношеній, но что въ Курляндіи знакомство завязано и французскіе орлы скоро будутъ внесены туда. Увлечшись словоохотливостію, Себастіани развилъ передо мною фантастическіе планы: движеніе главной арміи внутрь Россіи, отряженіе сильныхъ корпусовъ на Двину, непремѣнный успѣхъ, возстановленіе Польскаго королевства, учрежденіе великаго герцогства Курляндскаго съ широкими границами за Двину. Рѣчь, помнится, воснудась и независимости атамана казаковъ. Помня свою инструкцію, я не мѣшалъ говорить генералу и только изрѣдка выражалъ свое сомнѣніе, чтобы выпытать какое-нибудь существенно-полезное признаніе. Когда Себастіани продолжалъ распространяться о проектахъ раздробленія Россіи, восхвалялъ тѣ великія блага, напримѣръ цивилизацію, свободу и тому подобныя французскія прелести, которыми Наполеонъ надѣлитъ русскій народъ, я не утерпѣлъ, чтобы не спросить: „А что же будетъ съ Петербургомъ?“ — „О! Петербургъ останется складочнымъ мѣстомъ торговли—не болѣе!“ Въ негодованіи, я возразилъ сухо: „Нѣтъ, генераль, Петербургъ останется, несмотря на всѣ ваши усилія, столицею Россіи: мы хотимъ быть лучше Азіей съ Россіей, чѣмъ Европой съ вами или съ кѣмъ бы то ни было“.

Наслушавшись и насмотрѣвшись вдоволь, я настоятельно потребовалъ отпустить меня. Мнѣ дали прикрытіе, и я, усталый до изнеможенія, прибылъ на наши аванпосты.

Мнѣ хотѣлось добраться пещорѣе до главной квартиры. Графъ Кутайсовъ освѣжилъ меня вечеромъ на своемъ бивуагѣ, полковникъ Потемкинъ далъ мнѣ свои дрожки. Въ Бельмонте, помѣстьѣ графа Мануци, я пріѣхалъ въ тотъ самый моментъ, когда главная квартира Барилая только что выстушила отсюда. Адъютантъ главнокомандующаго, Клиндеръ, оставшійся здѣсь съ небольшою командою, снабдилъ меня лошадкою, чтобы я могъ настигнуть находившуюся на маршѣ главную квартиру. Барилай выслушалъ мое донесеніе съ большимъ удовольствіемъ.

Армія продолжала отступать къ дрисскому лагерю, устроенному по мысли генерала Фуля. Генераль Фуль былъ человекъ особаго сорта: копотунъ, мечтатель, педантъ, неимѣвшій ни малѣйшаго понятія о дѣйствительности, жившій въ фантастическомъ мірѣ и потому спотыкавшійся о каждую соломенку, которая лежала ему поперекъ пути. При изрядно-ограниченномъ умѣ, и планы его идеальнаго міра были не широки. Онъ признавалъ только двухъ великихъ полководцевъ, Цесаря и Фридриха: на всѣхъ прочихъ не обращалъ вниманія; все то, что совершилось послѣ Фридриха, считалъ шагомъ назадъ и порчею военнаго искусства, и не только не хотѣлъ ближе ознакомиться съ новыми походами, но заранѣе порицалъ ихъ. При такомъ взглядѣ, Фуль, конечно, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о Наполеонѣ и его образѣ веденія войны и прикладывалъ къ его колоссальнымъ планамъ и предпріятіямъ узкій масштабъ семилѣтней войны. Стремительный потокъ исполинской силы Наполеона онъ хотѣлъ остановить крошечными средствами этой войны, диверсіями съ какими-нибудь двумя тысячами человекъ, фланговыми позиціями, демонстраціями, угроженіями и, наконецъ, укрѣпленными лагерями à la Вунцельвицъ. Въ такомъ духѣ былъ начертанъ имъ и планъ кампаніи 1812 года.

Удивительно, что человекъ съ подобными узкими воззрѣніями пользовался большою извѣстностію. Быть можетъ, Фуль обязанъ былъ ею слѣдующимъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, живя въ Пруссіи, онъ представлялъ прусскаго героя какъ „*non plus ultra*“ военнаго совершенства, чѣмъ и привлекалъ на свою сторону всѣхъ военнослужащихъ пруссаковъ; во-вторыхъ, обо всемъ судилъ онъ рѣзко, все преслѣдовалъ саркастическимъ порицаніемъ. Это придавало ему видъ умственнаго превосходства, глубины военной премудрости. Онъ постоянно твердилъ, что если не начать дѣла лучше, то никакого толку не будетъ; но какъ начинать лучше, о томъ умалчивалъ. Въ добавокъ, Фуль окружалъ себя таинственностію, чуждался общества и только немногимъ молодымъ офицерамъ, не бывшимъ въ состояніи дать ему истинную оцѣнку, открывалъ свои мысли и читалъ имъ лекціи о военномъ искусствѣ, или, точнѣе, о семилѣтней войнѣ. Такимъ-то способомъ утвердилась за нимъ слава мастера, глубоко изучившаго сокровеннѣйшую суть войны. Съ запасомъ этой славы пріѣхалъ Фуль въ Россію, имѣя порученіе отъ своего государя, короля прусскаго; основывался на

этой славѣ, императоръ Александръ предложилъ ему вступить въ русскую службу, и Фуль былъ столько безтактенъ, что, несмотря на данное ему королемъ порученіе, перешелъ въ службу другаго государства. Наконецъ, въ силу опять той же славы, императоръ Александръ пожелалъ слушать его лекціи о военномъ искусствѣ, а когда война съ Наполеономъ становилась все болѣе и болѣе вѣроятною, пригласилъ его начертать оборонительный планъ. Согласно этому-то оборонительному плану и были сдѣланы первыя распоряженія къ кампаніи.

По общему мнѣнію, которое раздѣляли и опытѣйшіе военные люди въ Россіи, надлежало уклониться отъ перваго стремительнаго натиска французовъ, затянуть войну и дѣйствовать серьезно и энергически только тогда, когда непріятель проникнетъ далѣе и будетъ постепенно ослабленъ недостаткомъ продовольствія, трудностію тащить съ собою все необходимое въ странѣ, опустошенной маршами, лишеніями и малою войною. Столь широкій общій планъ Фуль урѣзалъ въ миниатюрный узкій. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать на ослабленіе непріятельской арміи дальнѣйшимъ отступленіемъ, напраснымъ напряженіемъ силъ, онъ хотѣлъ отойти лишь на нѣсколько небольшихъ переходовъ, до Двины, построить здѣсь родъ бундельвицкаго лагеря, которому недоставало бездѣлицы—крѣпости вблизи, какъ опорной точки, и задержать здѣсь Наполеона (подобно Бутурлину и Лаудону передъ Бундельвицемъ). Между тѣмъ, Витгенштейнъ, съ 20,000 человекъ, долженъ былъ производить демонстраціи и диверсіи вправо отъ Дюнабурга, а князь Багратионъ и Платовъ диверсіи и демонстраціи влѣво отъ Минска. Такимъ-то мудрымъ способомъ предполагалъ Фуль удерживать французовъ въ истощенномъ краѣ передъ неодолимымъ лагеремъ, безпрестанно тревожить ихъ, помыкать ими взадъ и впередъ и затѣмъ постепенно истреблять врага. Всѣ благоразумные генералы нашей арміи указывали на неудовлетворительность, ошибочность, мелочность подобнаго средства; но планъ былъ готовъ, распоряженія сдѣланы, магазины заложены на назначенныхъ Фулемъ пунктахъ, да и недоставало времени на начертаніе другаго операціоннаго плана. Притомъ главнокомандующій могъ думать, что, позже, когда Наполеонъ первыми дѣйствіями обнаружитъ свои намѣренія, могутъ быть произведены сообразныя съ тѣмъ перемѣны въ планѣ. Но какъ въ партіи шахматной игры бываетъ трудно, при лажности цер-

выхъ ходовъ, занять вновь выгодное положеніе, такъ точно случается и на войнѣ, и часто величайшими усилиями уже нечая поправитъ испорченнаго вначалѣ. Несчастное направленіе на Дриссу едва не погубило русскую армію. Наполеонъ, со всѣмъ своимъ громаднымъ численнымъ перевѣсомъ, бросился между двумя нашими разъединенными арміями, и если онѣ избѣгли разбитія наголову порознь, то были обязаны тѣмъ столько же ошибкамъ французскихъ маршаловъ, сколько своимъ необычайнымъ переходамъ и усилямъ.

29-го іюня вступили мы въ дрисскій лагерь. Въ тотъ же моментъ послышался общій вопль негодованія: даже самые близорукіе видѣли, что здѣсь мы будемъ отрѣзаны отъ южныхъ хлѣбородныхъ губерній и притиснуты къ бесплодному сѣверу, быть можетъ и къ морю. Вліятельнымъ и дальновиднымъ людямъ, созданнымъ у императора на совѣтъ, удалось совершенно устранить планъ Фуля, и Барклай получилъ полномочіе дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Онъ полагалъ вести первую армію форсированными маршами къ Витебску, куда Наполеонъ уже направилъ большую часть своихъ силъ, и тамъ постараться войти въ связь съ арміей Багратиона. 2-го іюля, стало быть чрезъ три дня по вступленіи, армія Барклая двинулась; но и три дня, напрасно проведенные въ лагерь, значили много, и мы съ величайшимъ трудомъ успѣли опередить противника въ Витебскѣ. Это былъ почти бѣгъ взапуски, съ нашей стороны по правому, а со стороны французовъ по лѣвому берегу Двины. Рѣшеніе кампаніи, судьба Россіи и Европы зависѣли здѣсь отъ побѣды ногъ. Русскія ноги оказались прытче, и Россія и Европа были спасены.

Отсюда же начался и новый поворотъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; руководители ихъ, за исключеніемъ главнокомандующаго, почти всѣ были смѣнены. Начальникомъ штаба былъ до сихъ поръ престарѣлый и хворый генералъ Лавровъ, обязанный занятіемъ столь важнаго поста единственно тому обстоятельству, что онъ имѣлъ довольно обширный кругъ дѣятельности въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова. Лавровъ былъ такъ дряхлъ и слабъ, что едва передвигалъ ноги и съ большимъ трудомъ садился на лошадь; да и умственные способности его шли объ-руку съ физическими недостатками. По тогдашнимъ опаснымъ обстоятельствамъ нехстати было бы щадить старика, и потому Барклай представилъ на мѣсто Лаврова ге-

нерала маркиза Паулучи, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, перешелъ въ нашу службу изъ австрійской и отличился въ Финляндіи и противъ персіянъ. Но и Паулучи не могъ съ успѣхомъ занимать должность начальника штаба: онъ былъ до крайности честолюбивъ, имѣлъ высокое о себѣ мнѣніе и спустя немного дней уступилъ свое мѣсто генералу Ермолову, обладавшему всѣми способностями, нужными для этого поста: умомъ, познаніями, силою воли. Генераль-квартирмейстеръ также перемѣнился. Генерала Мухина, искуснаго рисовальщика плановъ, незнавшаго ни одного иностраннаго языка и мало смыслившаго въ высшей войнѣ, замѣстилъ полковникъ Толль, молодой офицеръ рѣшительнаго характера, въ высшей степени дѣятельный, непоколебимо-мужественный, приготовившій себя къ высшимъ военнымъ операціямъ изученіемъ твореній Жюмини. Дѣла пошли лучше.

Такъ какъ кромѣ собственно военной квартиры командующаго генерала была при арміи еще главная квартира императора, въ которой находилось много знатныхъ и вліятельныхъ лицъ, считавшихъ себя въ правѣ выражать и свое мнѣніе о военныхъ дѣйствіяхъ, то въ дисонансахъ не было недостатка. Въ особенности Барклай, пользовавшійся большимъ довѣріемъ государя, служилъ предметомъ многообразныхъ интригъ: враги имѣли въ виду столкнуть его, а покамѣстъ неисчислимыми неприятностями и придирками старались вывести его изъ терпѣнія. Съ этою цѣлю, недовольные устраивали между собою ссоры. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ двигателей козней былъ генералъ Армфельдтъ, давно искусившійся во всякаго рода интригахъ. Паулучи принималъ въ козвѣ косвенное участіе: снабдаемый честолюбіемъ, онъ, подъ личиною шутокъ, громко порицалъ дѣйствія главнокомандующаго. Герцогъ Александръ Вюртембергскій, принцъ Ольденбургскій, генералъ Бенигсенъ, возмечтавшій о своихъ достоинствахъ послѣ прусскаго похода, открыто указывали на мнимыя ошибки и подъ рукой намекали на неспособность того, кто былъ ихъ виновникомъ. Изъ высшихъ кружковъ неудовольствіе перешло и къ прочимъ генераламъ, а потомъ спустилось еще ниже.

Императоръ Александръ, знавшій объ этихъ козняхъ, рѣшился прекратить ихъ тѣмъ, что оставилъ армію и облекъ Барклая неограниченнымъ полномочіемъ. Все измѣнилось разомъ, будто по мановенію волшебнаго жезла: приемныя комна-

ты Барклая, давно опустѣлы, мгновенно наполнились опять тѣми самыми лицами, которыя еще вчера такъ зло издѣвались надъ нимъ. Онъ же, всегда хладнокровный и спокойный, не обнаружилъ ни малѣйшей перемѣны въ своемъ обращеніи и допржежнему вѣжливо принималъ своихъ недоброжелателей.

Императоръ Александръ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, навѣстилъ Барклая. Онъ нашелъ его помѣтившимся въ ветхомъ, дырявомъ овиновѣ: пренебреженіе всѣми личными удобствами было такъ велико въ главнокомандующемъ, что всякое помѣщеніе казалось ему хорошимъ, коль скоро находилось вблизи арміи. Больше часу пробылъ государь у Барклая, отъ души обнявъ его при прощаніи, пожалъ ему руку, сядь въ коляску, и сказалъ: „Прощайте, генераль, и еще разъ прощайте! Поручаю вамъ мою армію; не забывайте никогда, что у меня только и есть эта армія“. Этими словами монарха, слышанными всѣми окружающими, можно, кромѣ другихъ побуждательныхъ причинъ, объяснить черезчуръ осторожныя иногда дѣйствія Барклая, напримѣръ при Руднѣ, что завистники ставили ему въ вину, какъ несоимѣстное съ храбростію войскъ. А развѣ такая осторожность не спасла армію, сохранивъ ее въ цѣлости, слѣдовательно и Россію? Пожаръ Москвы и всѣ дѣянія погоды прошли бы безслѣдно, если бы сохраненная армія не придавала этимъ фактамъ рѣшающаго значенія.

Едва уѣхалъ императоръ, какъ Барклай сталъ еще спокойнѣе, еще тверже и рѣшительнѣе. Одинъ, со своими картами, вавѣщивалъ онъ условія и случайности войны, соображалъ свои предначертанія и основывалъ на нихъ свой образъ дѣйствія. Благодаря должному направленію, данному арміи планомъ Фули, положеніе Барклая было одно изъ затруднительнѣйшихъ, и нерѣдко отъ часа, отъ минуты времени зависѣло спасеніе многихъ тысячъ. Будучи съ самаго начала противникомъ раздѣленія обѣихъ армій, онъ устремлялъ теперь всю свою заботливость на ихъ соединеніе, горько ждался на медленность и недостатокъ въ доброй волѣ, противопоставляемыя этому соединенію Багратиономъ и Платовымъ, и съ похвалою и благодарностію отзывался о Дохтуровѣ и о графѣ Петрѣ Паленѣ, которые, несмотря на всѣ усилія непріятеля отрѣзать и ихъ, рѣшительными дѣйствіями и форсированными маршами проложили себѣ путь къ арміи.

11-го іюля пришли мы въ Витебскъ. Между этими горо-

дежь и Оршкою должествовало довершиться соединеніе съ Багратиономъ, котораго считали на маршъ прямо изъ Могилева. Но какъ непріятель былъ уже близко и надлежало опасаться, что онъ воспрепятствуетъ соединенію, то Барилай принялъ весьма смѣлое намѣреніе не уклоняться даже отъ боя, лишь бы соединиться съ Багратиономъ. Корпусъ Дохтурова, составлявшій арьергардъ, находился еще позади на правомъ берегу Двины, и потому Барилай перевелъ на лѣвый берегъ корпусъ графа Остермана-Толстаго, а для подкрѣпленія его Коновницына съ третьею дивизіей. Такимъ образомъ, 14-го и 15-го іюля дошло до жаркихъ дѣлъ при Островнѣ и Куковачѣ, въ которыхъ Остерманъ отличился стойностію, Коновницынъ энергіей. Къ этимъ-то двумъ выдвинутымъ корпусамъ Барилай послѣдъ меня утромъ 15-го числа и приказалъ мнѣ извѣщать его о ходѣ дѣлъ чрезъ каждые полчаса. На пути къ Остерману, я предложилъ отстаившему Коновницыну поспѣшить на его подкрѣпленіе. При Островнѣ я засталъ бой уже въ полномъ разгарѣ, и Остерманъ стойко отражалъ непріятельскія атаки. Вообще, главный талантъ Остермана-Толстаго, главное его достоинство заключались въ мужественной стойкости; но, мастеръ въ упорной оборонѣ позиціи, онъ не обладалъ искусствомъ руководить отдѣльнымъ корпусомъ, принимать сообразныя съ обстоятельствами мѣры. Я пріѣхалъ въ тотъ моментъ, когда его генералы, оба Бахметевы и Окуловъ, тщетно старались уговорить его, какой именно маневръ слѣдовало произвести: Остерманъ не внималъ ихъ убѣжденіямъ. Большую снисходительность оказалъ онъ къ предложеніямъ относительно обороны, высказаннымъ ему обоими адъютантами главнокомандующаго, Сеславинымъ и мною. Позиція была удерживаема до позднего вечера, и при этомъ-то случаѣ Остерманъ отвѣчалъ на вопросъ пріѣзжавшихъ къ нему адъютантовъ о томъ, что дѣлать, такъ какъ невозможно выдерживать долге натиска противника: „что дѣлать? стоять и умирать!“ И войска стояли и умирали до вечера, когда началось отступленіе на Коновницына, который оставался при Куковачѣ, гдѣ образовалъ репли, чтобы принять Остермана.

Барилай занялъ, у Витебска, позицію за Лучезою и хотѣлъ держаться здѣсь, чтобы отступленіемъ не подвергнуться опасности Багратиона, о которомъ не было ближайшихъ свѣдѣній; но котораго предпочтали въ недалекомъ разстояніи. Графъ Петръ

Паленъ, командовавший арьергардомъ, получилъ приказаніе вести непріятеля, шагъ за шагомъ, на позицію. При всей отличной храбрости войскъ, такое намѣреніе могло бы быть гибельно для арміи въ борьбѣ съ вдвое сильнѣйшимъ противникомъ; по счастью, 15-го числа явился адъютантъ Баграціона съ извѣстіемъ, что генераль не могъ пробиться у Могилева и нашелся вынужденнымъ идти окольнымъ путемъ, чрезъ Мотиславъ, на Смоленскъ. Это извѣстіе обрадовало Барклая и окончательно утвердило его въ рѣшимости отступать. Чтобы спасти Баграціона, онъ самъ хотѣлъ подвергнуться величайшей опасности; эта жертва была теперь не нужна, надежда на давно желанное соединеніе осуществлялась, и потому въ тотъ же день главнокомандующій отдалъ приказаніе идти чрезъ Порѣчье на Смоленскъ. На долю графа Палена выпала труднѣйшая задача: задерживать наступавшаго и искавшаго боя противника, и Паленъ выполнилъ ее мастерски: цѣлый день дрался съ непріятельскимъ авангардомъ, отстаивалъ каждый шагъ земли и тѣмъ далъ арміи время удалиться. Отступление было совершено въ примѣрномъ порядкѣ, такъ что на слѣдующее утро французы, уже приготовившіеся начать бой, не нашли нашихъ войскъ и долго не могли узнать, куда они обратились. Тотъ, кто понимаетъ что значить совершить отступление въ виду непріятеля, оценитъ, сколько похвалы заключалось въ невѣдѣніи французовъ.

Барклая послалъ меня къ графу Палену выразить удовольствіе за искусную оборону. Я нашелъ графа уже страдавшимъ отъ недуга, который вскорѣ потомъ свалилъ его и надолго лишилъ армію его содѣйствія; онъ едва могъ сидѣть на конѣ, но мысль о долгѣ, объ опасности арміи закаляла его нравственную силу и одолѣвала физическія страданія. Во все время отступления, я ни на минуту не оставлялъ графа Палена и однажды ночью едва не попался въ плѣтъ. Меня веселила дѣятельная арьергардная жизнь, въ продолженіе которой постоянно видишь передъ собой непріятеля и обучаешься смотрѣть въ глаза смерти.

Возвратясь въ главную квартиру, я отдохнулъ въ обществѣ моихъ товарищей. Въ числѣ адъютантовъ главнокомандующаго, кромѣ меня, были: полковникъ Закревскій (впослѣдствіи московскій генераль-губернаторъ); майоръ Рейцъ, капитаны Сеславинъ, Вельяминовъ, Краминъ; штабъ-капитаны Клингеръ, Гурко, Нарышкинъ, Каверъ, Кашиицовъ; поручики

Дамедоръ, Боли, Ростопчинъ, Барклай-де-Толли, Сиверсъ. Въ качествѣ ординарцевъ состояли: адъютанты принца Георгія Ольденбургскаго: Бартоломей, Тимреть, Варденбургъ; адъютанты генерала Ливена: Орловъ и Петерсонъ, и, наконецъ, Чихачевъ, адъютантъ Арабчеева. Въ особенно-хорошихъ отношеніяхъ находился я съ флигель-адъютантомъ подполковникомъ Вольцгоеномъ, занимавшимъ тогда видное мѣсто при арміи, чѣмъ онъ былъ обязанъ отчасти своимъ личнымъ достоинствомъ, отчасти довѣрію главнокомандующаго, который нерѣдко спрашивалъ его совѣта въ трудныхъ обстоятельствахъ. Одно время Вольцгоенъ завѣдывалъ даже, подъ рукою, дѣлами по генералъ-квартирмейстерской части, и ему приписывали большую долю участія въ планѣ Фуля. Благорасположеніе къ нему Барклая возбуждало зависть; какъ чужеземецъ, онъ внушалъ недовѣріе, что и, подавая партіи недовольныхъ поводъ удалить Вольцгоена отъ кабинетныхъ занятій, а вмѣстѣ съ нимъ и меня. Моя должность по секретной перепискѣ съ государемъ была передана молодому Барклаю-де-Толли, племяннику главнокомандующаго, неопытному юдоцѣ, только что вышедшему изъ школы, следовательно невозбуждавшему никакой зависти. Не довольствуясь однако устраненіемъ насъ отъ занятій конфиденціальныхъ дѣлами, наши недоброжелатели старались вовсе удалить насъ отъ лица главнокомандующаго, или, точнѣе меня, такъ какъ Вольцгоена, покровительствуемаго, вдовствующею императрицею, они тронуть не смѣли.

Въ Смоленскѣ стоялъ до сихъ поръ только небольшой, недавно сформированный, корпусъ генерала барона Винцигероде. Барклай прибылъ сюда, съ первою арміею, 20-го іюля и занялъ позицію на правомъ берегу Днѣпра, послѣ чего Вольцгоенъ былъ посланъ навстрѣчу приближавшемуся князю Багратиону. Столь желанное, подававшее столь мало надеждъ соединеніе обѣихъ армій послѣдовало 22-го числа, несмотря на всѣ усилія Наполеона, не допустить его.

Когда Багратионъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ, генералами Раевскимъ, Бороздинымъ, Васильчиковымъ, Паскевичемъ, графомъ Воронцовымъ, сдѣлалъ первый визитъ Барклаю, я уговорилъ генерала подойти къ князю, со шляпою въ рукѣ, и сказать, что „онъ только-что хотѣлъ отправиться къ нему“. Это произвело весьма хорошее впечатлѣніе. Багратионъ былъ старшій Барклая генералъ и, конечно, не безъ неудовольствія

видѣлъ себя поставленнымъ подъ команду младшаго; къ счастью, съ самаго начала, между ними водворилось согласіе, и князь Багратионъ подалъ примѣръ благородной уступчивости.

Настало замишье. Наполеонъ, быстро двигавшій свои массы въ надеждѣ на рѣшительное сраженіе, обманулся въ расчетѣ вследствие уклоненія Барклая и исполнившагося соединенія обѣихъ русскихъ армій, и потому рѣшился дать отдыхъ своимъ войскамъ. На обширной позиціи между Суражемъ и Смоленскомъ они должны были собраться съ силами для новыхъ трудовъ. Такъ какъ русская армія, при благоустроенномъ продовольствіи, пострадала меньше, была бодрѣе, желала боя, то при частыхъ совѣщаніяхъ начальниковъ сдѣлано было предложеніе атаковать непріятеля на его растянутыя позиціи и постараться разбить по частямъ. Генералъ-квартирмейстеръ первой арміи, полковникъ Толь, мужественный, предприимчивый, больше всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобы воспользо-ваться разбросанностію непріятельской арміи и совокупными силами прорвать ея центръ у Рудни. Никогда не видать я Барклая въ такомъ волненіи и нерѣшительности: съ одной стороны онъ видѣлъ всѣ выгоды предложеннаго движенія, съ другою сознавалъ и опасности атаковать съ меньшими силами несравненно многочисленнѣйшую армію, предводимую самимъ Наполеономъ.

„Вначалѣ — говорилъ Барклай — мы приобрѣтемъ нѣкоторыя выгоды, но потомъ вдругъ будемъ атакованы собравшимся въ превосходящемъ числѣ непріятелемъ и вовлечены въ бой при неблагоприятныхъ условіяхъ.“ Двинувшись впередъ подъ вліяніемъ нерѣшительности, самъ не зная, слѣдуетъ ли драться, или нѣтъ, Барклай, своими безцѣльными передвиженіями, не достигъ ничего, кромѣ утомленія и неудовольствія своей арміи. Ничто такъ не раздражаетъ солдата, какъ напрасныя переходы и безплодные труды. Авангардъ, подъ начальствомъ Платова и Палена, имѣлъ уже, 27-го іюля, блистательное кавалерійское дѣло съ дивизіей Себастьяни у Инкова; но Барклай, получивъ извѣстіе, что непріятель усиливается у Порѣчья, и опасаясь за свой флангъ и тылъ, приказалъ отступать.

Въ дѣлѣ при Инковѣ отличилась въ особенности казаки: непріятельская конница была опрокинута, много было взято въ плѣнъ, и захвачена даже карета Себастьяни, со всѣми его бумага-

ми. Когда я узналъ объ этомъ, мнѣ и въ голову не пришло, какое роковое вліяніе будетъ имѣть на мою судьбу взятіе экипажа французскаго генерала....

Я страдалъ въ это время злою перемежающею лихорадкою и едва тащился за главною квартирою. Враги мои воспользовались такимъ удобнымъ случаемъ. Однажды утромъ получилъ я отъ генерала Ермолова записку, которою онъ увѣдомлялъ меня, что главнокомандующій, принимая въ уваженіе мою болѣзнь, дозволяетъ на временное удаленіе мое изъ арміи, и потому имѣю я, не останавливаясь въ Смоленскѣ, отправиться прямо въ Вязьму. Прочитавъ записку, я, говоря фигуральнымъ языкомъ, упалъ съ облаковъ, но, безъ всякихъ иносузавій, остался въ главной квартирѣ и нашелъ себѣ въ Смоленскѣ пріютъ у артиллерійскаго генерала Левенштерна. Онъ занималъ квартиру у кондитора-швейцарца, въ лавкѣ котораго я отыскалъ всякаго рода прохладительныя и крѣпительныя напитки, будто въ аптекѣ, и съ помощію ихъ одолевъ лихорадку.

Въ это же время пріѣхалъ въ армію англійскій генералъ Уильсонъ, и Барклай возложилъ на меня быть его вожатымъ въ нашей главной квартирѣ.

Едва возвратился главнокомандующій изъ перваго движенія къ Руднѣ, какъ пришло извѣстіе, что непріятель отвелъ свои носты отъ Порѣчья, влѣдствіе чего предпринято было вторичное наступленіе, и на этотъ разъ съ твердымъ намѣреніемъ исполнить предположенную атаку. Но войска наши не достигли еще Инкова, когда отдаленная канонада съ лѣваго берега Днѣпра, 2-го августа, вечеромъ, смутила Барклая. Вскорѣ стали являться гонцы за гонцами и звали его въ Смоленскъ. Дѣло въ томъ, что пока Барклай двигался по правому берегу Днѣпра, Наполеонъ, прикрываясь бабиновичскимъ лѣсомъ, тихо подвелъ свои войска къ Днѣпру, переправился при Расаснѣ и Дубровнѣ и форсированными маршами устремился на Смоленскъ, чтобы предупредить тамъ нашего главнокомандующаго и вновь выиграть у него, на лѣвомъ флангѣ, московскую дорогу. Первое извѣстіе о грозившей опасности далъ генералъ Невѣровскій, который со своею дивизіей, въ числѣ около 8,000 человекъ, стоялъ у Краснаго для наблюденія лѣваго берега Днѣпра и, будучи атакованъ несмѣтными массами кавалеріи Мюрата, совершилъ свое геройское отступленіе. Баграціонъ, находившійся

къ Смоленску ближе Барклай, ввелъ въ городъ корпусъ Раевского, куда послѣдовалъ и самъ Барклай. По мѣрѣ приближенія нашего къ Смоленску, гуль пущечныхъ выстрѣловъ становился все сильнѣе и сильнѣе; наконецъ, 4-го августа, вечеромъ, прибылъ на правый берегъ, главнокомандующій со всею арміею, расположился на окрестныхъ высотахъ и коручилъ корпусу Дюжурова и дивизіи Юновницына (къ нимъ присоединилась вѣдомъ еще дивизія принца Евгенія Вюртембергскаго) оборону города. Баграціонъ, для охраненія московской дороги, сталъ здѣсь со своею арміею, въ восьми верстахъ отъ Смоленска. Городъ былъ удерживаемъ цѣлый день, 5-го августа, и оставленъ въ ту минуту, когда поваръ окватилъ его со вѣсѣхъ сторонъ.

Участвіе мое въ событіяхъ этого дня не могло быть велико, потому что я находился при главнокомандующемъ на другой сторонѣ; однако мнѣ удалось быть хотя неимого полезнымъ. Во время боя въ городѣ, Барклай стоялъ на цѣломъ флагѣ арміи у церкви, за которою помѣщалась 12-фунтовая батарея полковника Нилуса. Такъ какъ непріятель, для обстрѣливанія нашихъ мостовъ, также поставилъ сильную батарею на противоположномъ берегу, то между обими батареями завязалась жестокая перестрѣлка; во время которой Барклай, подѣлгубительнѣйшимъ огнемъ, гладнопрочно отдавалъ приказанія. Дивизія здѣсь очень мелочъ, и потому непріятель послалъ въ бродъ нѣсколько вавалеристовъ, чтобы овладѣть нашею батареею, неимѣвшею прикрятія. Я первый замѣтилъ это движеніе, бросилъ съ конвоемъ главнокомандующаго и нѣсколькими офицерами-охотниками на встрѣчу французскимъ всадникамъ и прогналъ ихъ за рѣву. Велѣдъ сатѣмъ, Орловъ (Григорій) привелъ угандскій полкъ и привралъ батарею.

Весь слѣдующій день (6-го августа) войска отдыхали. Педно вечеромъ, началось наше дальнѣйшее отступательное движеніе, по проселкамъ, большою дугою отъ петербургской дороги на московскую, на которую нельзя было выйти прямо: она лаправлялась нѣсколько верстъ по Днѣпру на противоположный берегъ командовалъ ею. Ночью дѣло не обошлось безъ замѣпательствъ и плутанія, такъ что генераль Каровъ и принцъ Евгеній Вюртембергскій, прикрывавшіе движеніе, должны были выдержать утромъ сильный напоръ противника, при чемъ болъшой артиллерійскій обозъ подвергался опасности попасть въ

руки французовъ. Главкомандующій приказалъ мнѣ отвести эти шестидесять орудій дальше по едва проходимымъ проселкамъ и выйти на большую московскую дорогу. По наспоро-наброзанному черезъ глубокое болото саниннику мнѣ удалось выиграть версты десять и спасти артиллерию. За это я получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Вскорѣ потомъ оказалось нужнымъ построить на московской дорогѣ, какъ можно скорѣе, еще одинъ мостъ, кромѣ имѣвшіеся. Герцогъ Александръ Вюртембергскій лично отправился на мѣсто и взялъ меня съ собою, потому что плохо говоритъ по-русски. Я спѣшилъ эскадронъ пвардейскихъ гусаровъ, приказалъ разломать крестьянскія избы и доставить бревна къ рѣкѣ. Гусарамъ помогала команда пионеровъ, подъ начальствомъ еще молодого, но дѣятельнаго и свѣдущаго инженернаго офицера, барона Зальца, наводившаго впоследствии мосты чрезъ Эльбу, Майнъ и Рейнъ, и наши колонны получили возможность ускорить свое движеніе черезъ этотъ второй мостъ.

Я былъ посланъ затѣмъ на лѣвый флангъ, угрожаемый непріятелемъ, такъ какъ здѣсь показался весь корпусъ Жюно, и предложилъ генералу Уварову, командовавшему первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, занять легкою конницею господствующую высоту. Уваровъ не согласился, ссылаясь на то, что туда надо было идти по болоту. Тогда я поскакалъ къ главнокомандующему, обратилъ его вниманіе на опасность и привезъ Уварову положительное приказаніе занять высоту. Атаки непріятеля съ этой стороны были отбиты.

Вопросъ состоялъ главнѣйше въ томъ, чтобы удержаться на московской дорогѣ тотчасъ за ручьемъ Странганью, потому что сюда примыкали тѣ проселки, по которымъ двигалась армія съ петербургскаго тракта на московскій. Сначала мы имѣли здѣсь малое число батальоновъ подъ начальствомъ Тучкова 3-го, но они были подрывляемы по мѣрѣ прихода войскъ съ петербургской дороги. Вой разгорѣлся послѣ полудня, когда Ней сталъ нацѣлывать на Тучкова всеми своими массами. Тучковъ самъ побѣжалъ къ Барклаю и донесъ, что не въ состоянн противиться долѣ натиску превосходнаго въ силахъ непріятеля. Барклай, обыкновенно всегда спокойный, теперь же раздраженный безпорядками во время ночнаго марша, сурово возразилъ храброму Тучкову: „возвращайтесь на свое мѣсто и умирайте тамъ, а если прійдете сюда еще разъ, то я прикажу васъ разстрѣ-

лать". — Тучковъ не прѣвѣжалъ. Возвратившись къ своему бою, онъ оказалъ необычайное упорство, бился до поздняго вечера, былъ раненъ въ стрѣлковой дѣлѣ и взятъ въ плѣнъ. Но позиция была удержана, отступление и спасеніе арміи обезпечены.

Наполеонъ, полагая, что все ограничивается арьергардными дѣломъ, не дѣйствовалъ съ тою настойчивостію, какою требовали обстоятельства. Онъ изумился, когда на слѣдующее утро выслушалъ донесенія своихъ генераловъ. „Такъ вы дали сраженіе?“ воскликнулъ онъ. Да, это было сраженіе кровопролитнѣе многихъ другихъ, сраженіе, которое, при большей съ его стороны энергіи, легко могло бы кончиться гибелью русской арміи. Наполеонъ двигался по хордѣ, мы шли по большой дугѣ; онъ по широкой столбовой московской дорогѣ, мы по едва доступнымъ проселкамъ, съ горы на гору, по лѣсамъ и по болотамъ, по которымъ едва можно было протаскивать орудія. Если бы Наполеонъ предупредилъ нашъ выходъ на большую дорогу, то поставилъ бы насъ въ необходимость продолжать тягостное окольное движеніе и тогда легко достигъ бы своей цѣли: отрѣзать насъ отъ юга.

Барклай явилъ себя въ этомъ затруднительномъ положеніи дальновиднымъ полководцемъ, обнаружилъ твердость, спокойствіе, присутствіе духа въ самыя критическія минуты, когда, на примѣръ, его правая колонна, заблудившись, очутилась послѣ долгаго ночнаго марша, утромъ 7-го августа, передъ самымъ Смоленскомъ, почти на томъ же мѣстѣ, съ котораго выступила. Барклай дѣлалъ съ нею всѣ опасности и оставилъ ее лишь тогда, когда присутствіе его оказалось необходимымъ на противоположномъ пунктѣ, на московской дорогѣ, у Тучкова. Здѣсь онъ велъ бой съ непоколебимымъ упорствомъ до тѣхъ поръ, пока не отошла вся армія. Словомъ, въ этотъ день, Барклай исполнилъ овой долгъ въ строжайшемъ смыслѣ. А какъ нападки дали, какъ клеветали на него враги именно за событія подъ Смоленскомъ!

Многое могъ бы я поразсказать о тѣхъ порученіяхъ и о тѣхъ тяжелыхъ перепадахъ, которые выпадаютъ на долю адъютанта, когда его посылаютъ отъ корпуса въ корпусу, отъ одной находящейся на маршѣ колонны къ другой, когда ему надо прѣвѣзжать огромныя разстоянія не на перемѣнныхъ лошадяхъ, но на одномъ и томъ же конѣ. Не стану однако говорить объ этомъ: такія повѣданія не возбуждаютъ интереса въ постороннихъ

читателямъ, были ли онѣ опасны, потому что совершались подъ неприятельскими пулями, или просто утомительны, потому что приходилось стращаться на вѣсь многие десятки верстъ, то по большой дорогѣ, то по проселкамъ. Замѣчу только, что главнокомандующій, при всей своей добротѣ, иногда мало думалъ о томъ, сколько могутъ вынести человекъ и лошадь. Порученія свои Барилай давалъ почти всегда однимъ и тѣмъ же офицерамъ, заслужившимъ его довѣріе, и, едва они возвращались, посылалъ ихъ опять, между тѣмъ какъ былъ окруженъ множествомъ молодыхъ людей, которые только и желали получить какую-нибудь командировку. Однажды Барилай даже рассердился на своихъ адъютантовъ и ординарцевъ за то, что они недовольно дѣятельны, хотя вина была не на ихъ сторонѣ, и приказалъ имъ всѣмъ пройти двадцать-пять верстъ пѣшкомъ подъ надзоромъ командующаго главною квартирою. Только За-кревскаго, Сеславина и меня исключилъ онъ изъ этого наказанія, потому что утромъ посылалъ насъ съ порученіями.

Когда армія достигла Усвята, Барилай, въ сопровожденіи Багратиона, герцога Александра Вюртембергскаго, принца Августа Ольденбургскаго и многихъ генераловъ, обзрѣлъ позицію, выбранную Толлемъ для предполагаемаго сраженія. Позиція оказалась неудобною, и въ особенности Багратионъ порицалъ ее. На замѣчаніе Барилая о дурномъ выборѣ, Толль, высокоучивый и неприязнкій, былъ осторожнымъ въ словахъ, возразилъ, что „онъ не можетъ создавать позиціи тамъ, гдѣ не создала ихъ природа, а беретъ ихъ такими, какими находятъ“. Барилай не обратилъ вниманія на дерзкій отвѣтъ молодого полковника, но князь Багратионъ взглянулъ на дѣло иначе и изложилъ на Толля весь свой гнѣвъ. „Если вы не могли выбрать лучшей позиціи—скавалъ онъ—то это еще не значитъ, чтобы и другой не могъ выбрать; но вы должны говорить въжливую съ начальникомъ, достойнымъ величайшаго уваженія, съ тѣмъ, отъ котораго армія и вся Россія ожидаютъ спасенія.“—Князь Багратионъ сослался на самого себя, замѣтивъ, что онъ, будучи старшимъ генераломъ, подаетъ примѣръ повиновенія и что шесть другихъ генераловъ, имѣющихъ голубыя ленты, поднимаются приказаніямъ главнокомандующаго, чтутъ и уважаютъ его доблесныя качества.—„Счастливы вы—прибавилъ Багратионъ— что имѣете такого кроткаго начальника; если бы вы отвѣчали такъ мнѣ, я надѣлъ бы на васъ бѣлыя

перевязи и далъ бы вамъ ружье на плечо". Тогда молчалъ; Барклай тоже, сознавая, что генераль-квартирмейстеръ въ сущности былъ не виноватъ и погрѣшилъ только въ формѣ. Повѣщю оставили и вступили на другую, у Дорогобужа, рекомендованную Багратиономъ; но и она была найдена невыгодною.

Приведу здѣсь доказательство того, что я говорилъ выше объ адъютантской службѣ. Только-что пришли мы, послѣ ночнаго двадцати-верстнаго марша къ Дорогобужу, какъ Барклай послалъ меня въ арьергардъ сказать Ермолову, что онъ можетъ отступать. Мнѣ предстояло проѣхать тридцать верстъ туда и столько же обратно; стало быть, всего я ездѣлъ восемьдесятъ верстъ, прежде чѣмъ могъ кое-какъ отдохнуть.

На другой день, сопровождая главнокомандующаго на разведкислѣдовку, я былъ пораженъ тѣмъ неожиданнымъ ударомъ судьбы, о которомъ упомянулъ вскользь по поводу дѣла при Руднѣ. Полковникъ Вольцогенъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Вы знаете, что васъ посылаютъ курьеромъ въ Москву?“ Я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.... Вольцогенъ прибавилъ, что видѣлъ у начальника штаба, генерала Ермолова, уже подписанный пропускъ и готовые депешы. Дать шпоры коню и помчаться къ Ермолову было для меня дѣломъ минуты. На вопросъ мой, Ермоловъ, со свойственною ему улыбкою, отвѣчалъ, что ничего не знаетъ объ этомъ дѣлѣ.

— Какъ, генераль! возразилъ я: можете ли вы не знать, когда всѣ бумаги у васъ приготовлены?

— Ахъ, да! теперь я припоминаю, что вчера на военномъ совѣтѣ была рѣчь о томъ, чтобы послать въ Москву свѣдущаго и опытнаго штабъ-офицера для успокоенія жителей насчетъ оставленія нами Смоленска. Всѣ присутствующіе рѣшили, что никто лучше васъ не исполнитъ этого порученія. Вамъ известны всѣ обстоятельства; вы стояли вблизи событій, и притомъ на такой высотѣ, откуда все можно было разсмотрѣть отчетливо. Вотъ почему выборъ палъ именно на васъ.

— Генераль, такъ какъ командировка моя дѣло рѣшенное, то я не смѣю противорѣчить; тѣмъ не менѣе попытаюсь упростить главнокомандующаго не посылая меня. Я желаю остаться въ полѣ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; но найдутся другіе офицеры, которые охотно возьмутъ на себя это порученіе, напримеръ молодой графъ Ростопчинъ: ему было бы весьма увидѣться съ родителями наканунѣ важныхъ событій.

Ермоловъ улынулся многозначительно (позже я часто вспоминалъ объ этой улыбкѣ) и сказалъ только, что я могу дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Отъ Ермолова я отправился къ Барклаю и сталъ ему говорить взволнованнымъ голосомъ. Выслушавъ меня съ очевиднымъ смущеніемъ, онъ сказалъ:— „Любезный Левенштернъ, вы должны ѣхать: бумаги подписаны. Командировка необходима. Надѣюсь, что вы возвратитесь скоро, и полагаю, что до тѣхъ поръ не послѣдуетъ генеральнаго сраженія. Вы ничего не потеряете. Поѣзжайте съ Богомъ!“

Я успокоился, принялъ депеши, помчался въ курьерской тележкѣ и скоро былъ у московской заставы. Отсюда ординарецъ проводилъ меня къ коменданту, а отъ коменданта плацъ-адъютантъ къ генералъ губернатору. Графъ Ростопчинъ жилъ на своей городской дачѣ. Прочитавъ привезенныя депеши, онъ долго разговаривалъ со мною объ арміи и о ея дѣйствіяхъ. Поданъ былъ чай; часть вечера прошла въ разговорахъ; потомъ графъ предложилъ мнѣ отдохнуть и пригласилъ на другой день къ обѣду. Я поѣхалъ въ гостиницу, но успѣлъ еще въ тотъ же вечеръ побывать у престарѣлаго графа Владимира Григорьевича Орлова. У него я засталъ графовъ Моркова и Панина и нѣсколькихъ другихъ представителей московской аристократіи. Всѣ слушали меня внимательно, и мнѣ удалось успокоить ихъ относительно хода военныхъ событій и наиболѣе вѣроятныхъ послѣдствій.

При вторичномъ свиданіи, графъ Ростопчинъ принялъ меня по прежнему вѣжливо, обѣщалъ скоро отпустить въ армію, а графиня много разговаривала со мною о сынѣ своемъ, служившемъ адъютантомъ у Барклая. Тутъ я познакомился съ Карамзинымъ, который выразилъ мнѣ живѣйшее желаніе побывать въ арміи, видѣть вблизи военныя дѣйствія и сраженія, чтобы тѣмъ нагляднѣе и вѣрнѣе описать ихъ вполнѣдствій.

Несмотря на то, что въ гостепріимной Москвѣ двери многихъ домовъ были открыты для меня, я чаще всего бывалъ у графа Ростопчина. Утромъ отправлялся я къ нему въ домъ за свѣжими извѣстіями изъ арміи; потомъ пріѣзжалъ къ обѣду, къ которому меня пригласили разъ навсегда; вечеромъ же являлся для того, чтобы выразить графу или графинѣ мое желаніе возвратиться въ главную квартиру. Графъ давалъ однако уклончивыя отвѣты и со дня на день обнадѣживалъ меня. Такъ про-

шло нѣсколько дней, и я сталъ терять терпѣніе. Однажды утромъ, разговаривая въ пріемной съ Обресковымъ, адъютантомъ генераль-губернатора, я сказалъ громко: „Доложите графу, что у меня недостаетъ терпѣнія: мнѣ несносно сидѣть здѣсь сложа руки; долгъ, честь зовутъ меня въ армію. Бумаги графа въ главную квартиру можетъ отвезти всякій полицейскій драгунъ; я не въ состояніи ждать долѣе и готовъ уйти пѣшкомъ.“

Я говорилъ нарочно такъ громко, чтобы графъ, находившійся въ своемъ кабинетѣ возлѣ, услыхалъ мои слова. Дѣйствительно, онъ отворилъ дверь, пригласилъ меня войти, взялъ за руку и сказалъ мнѣ, безъ околичностей, слѣдующее:

— Господинъ маіоръ, я могу только похвалить ваше нетерпѣніе; вы военный и понимаете чувства долга и чести вашего званія. Но мнѣ прискорбно объявить вамъ, что депеша, которую вы привезли, есть приказаніе о вашемъ арестѣ. Главнокомандующій писалъ мнѣ задержать васъ въ Москвѣ подъ какимъ-либо предлогомъ, наблюдать за вами. Въ арміи васъ подозреваютъ, предполагаютъ, что вы... я не смѣю договорить. Довольно того, что я долженъ противиться вашему возвращенію въ главную квартиру. Между тѣмъ, вы привязали меня къ себѣ своимъ открытымъ характеромъ, всѣми своими поступками; въ васъ нѣтъ ничего похожаго на измѣнника; потому прошу васъ и впредь смотрѣть на мой домъ, какъ навсегда для васъ открытый, и мнѣ было бы пріятно, если бы вы навѣщали меня ежедневно. Ваша невинность, безъ сомнѣнія, обнаружится; дозволю вамъ писать къ государю и самъ напишу о васъ его величеству.

Графъ могъ кончить свою длинную рѣчь спокойно, потому что я съ первыхъ же словъ его лишился способности говорить. Только судорожное движеніе лица и стиснутыя губы проявляли бурю, во мнѣ бушевавшую. Генераль-губернаторъ опять взялъ меня за руку и сказалъ:

— Мнѣ не нужны ваши объясненія, но я беру съ васъ честное слово, что вы не примете никакого отчаяннаго рѣшенія. Оставайтесь въ этой комнатѣ; успокойтесь; вы можете писать здѣсь....

Графъ ушелъ. Быстрыми шагами сталъ я мѣрять комнату; слезы хлынули изъ глазъ моихъ; смутные вопли скорби исторглись изъ моей стѣсенной груди.... Бросившись къ письменному столу, я излилъ на бумагу всю свою скорбь, всю свою ду-

шевную боль, все свое негодование. Письмо къ Барклаю и прошеніе къ государю были готовы.

Глубоко огорчилъ меня поступокъ со мною главнокомандующаго; но мало по малу я сталъ припоминать, съ какимъ смущеніемъ говорилъ онъ со мною въ послѣдній разъ, какъ отрывисты, даже таинственны были его слова. Я соображалъ: „не находится ли самъ Барклай подъ вліяніемъ одолавающей его силы? не слылъ ли и онъ, по распространенному тогда въ народѣ и войскѣ мнѣнію, измѣнникомъ? могъ ли онъ вступить за меня, оклеветаннаго, не разрушивъ окончательно и то малое къ себѣ довѣріе, которое еще сохранялъ?“ Хотя я былъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно возведеннаго на меня обвиненія, однако и въ той тмѣ, гдѣ я блуждалъ, пробивался лучъ непоколебимой увѣренности въ честности и благородствѣ Барклая. Впослѣдствіи оказалось, что я не ошибался. Въ письмѣ къ супругѣ своей, рожденной фонъ-Смиттенъ и принадлежавшей къ весьма распространенной въ Лифляндіи фамилии, онъ отзывался съ искреннимъ участіемъ обо мнѣ и о несчастномъ доносѣ, отъ послѣдствій котораго не могъ, въ тогдашнемъ своемъ положеніи, оградить меня. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ и выражалъ твердую надежду, что невинность моя скоро будетъ доказана.

Подозрѣніе, жертвою котораго я былъ, возникло по слѣдующему поводу. Я упоминалъ уже, что при удачномъ дѣлѣ подъ Руднею захвачены были бумаги генерала Себастіани. Между ними находилось письмо, которымъ извѣщали генерала о предстоящемъ движеніи русскихъ войскъ. Кто писалъ это письмо?... Толковали, судили, рязали и наконецъ рѣшили, что писалъ я, основываясь на томъ, во-первыхъ, что мнѣ были извѣстны распоряженія по главной квартирѣ, во-вторыхъ, что въ 1809 году я жилъ въ Вѣнѣ, сближался съ французами въ наполеоновой арміи и, наконецъ, еще недавно, посланный къ Мюрату, провелъ съ Себастіани цѣлыя сутки. Вотъ что придумали мои остроумные противники. Письмо, дѣйствительно, могло быть послано съ нашихъ аванпостовъ во французскую армію, но чтобы сообщить содержавшіяся въ немъ свѣдѣнія не было надобности засѣдать въ русскомъ военномъ совѣтѣ или подслушивать его постановленія. Сотни жидовъ и поляковъ таскались и копошились среди насъ и около насъ. Операционный планъ оставался для нихъ тайною, но маршъ многихъ тысячъ человекъ по тому или по другому направленію они видѣли, слѣдовательно могли

знать о немъ. Всякій торгашъ, всякая маркитантка знаютъ, куда пойдетъ войско, и заранѣе отправляются въ то мѣсто со своимъ товаромъ. Что жъ удивительнаго, если какой-нибудь французскій офицеръ изъ поляковъ, стоявшій въ виду нашихъ аванпостовъ и хорошо знакомый съ мѣстностію, спрашивалъ жидовъ и мужиковъ и извѣстилъ генерала Себастьяни о выступленіи большихъ отрядовъ. Однако предупредительное извѣстіе опоздало или ему не придали важности, потому что Себастьяни былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ. Писать письма я не могъ уже и потому, что въ это время лежалъ больной въ Смоленскѣ. Но что было до того моимъ врагамъ и зачѣмъ было бы употребить имъ свое остроуміе на оправданіе меня (*).

Хотя передъ собственною своею совѣстію я былъ неповиненъ, хотя въ графѣ Ростопчинѣ я нашелъ судью правдиваго и благородномыслящаго, однако положеніе мое въ Москвѣ было невыносимо. Быть обвиненнымъ и заподозреннымъ въ подлой измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ непріателемъ!... Нерѣдко, оставивъ мысль о самоубійствѣ, я думалъ бѣжать въ армію и вызвать моихъ обвинителей на судъ Божій, поставить ихъ предъ сабельнымъ клинкомъ или дуломъ пистолета. Первымъ облегченіемъ для моей сдавленной груди послужилъ пріѣздъ изъ арміи нѣсколькихъ офицеровъ, подобно мнѣ заподозренныхъ. Это были поляки извѣстныхъ фамилій, большею частію флигель-адъютанты, присланные изъ главной квартиры подъ надзоръ Ростоп-

(*) Въ запискахъ Вольцогена, изданныхъ въ Лейпцигѣ, въ 1851 году, сказано, по поводу подозрѣнія, павшаго на Левенштерна, слѣдующее (стр. 119): „Уже долго спустя, на ахенскомъ конгрессѣ (1818), узнавъ я чрезъ князя Меншикова разгадку таинственнаго событія. Флигель-адъютантъ князь Любомирскій, состоявшій въ свитѣ Барклая, слышалъ, какъ полковникъ Толль, послѣ военнаго совѣта въ Смоленскѣ, разговаривалъ на улицѣ со многими русскими генералами, и изъ этого разговора вывелъ заключеніе, что Барклай предлагалъ, на военномъ совѣтѣ, формально атаковать французовъ, а я, чтобы не допустить до столь рѣшительной мѣры, совѣтовалъ произвести лишь сильную рекогносцировку, на которую Барклай и согласился, такъ какъ онъ всегда слѣдовалъ моимъ совѣтамъ. Мать князя Любомирскаго жила тогда въ своемъ помѣстьѣ Ладахъ, гдѣ Мюрать имѣлъ главную квартиру. Боясь, чтобы предположенная рекогносцировка не была направлена туда и не подвергла опасности жизнь матери, князь Любомирскій поѣхалъ въ тотъ же вечеръ, въ сопровожденіи одного только камердинера, на аванпосты, стоявшіе въ окрестностяхъ Краснаго подъ начальствомъ генерала Оленина, и оттуда послалъ камердинера съ извѣщеніемъ о наступленіи русскихъ, предлагая матери немедленно бѣжать. Вотъ какимъ образомъ гость княгини, король неаполитанскій, узналъ о барклавскомъ планѣ, на который онъ однако взглянулъ вѣрнѣе, чѣмъ Любомирскій, потому что тотчасъ же отиралъ записку къ Себастьяни въ Рудно“.

чина. Въ числѣ ихъ находились графъ Станиславъ Потоцкій, графъ Браницкій, князь Любомирскій и полковникъ Влодекъ. Мы старались утѣшать другъ друга, и такъ какъ мнѣніе противъ насъ было неодолимое, то намъ оставалось только терпѣливо ждать разъясненій въ будущемъ, а пока играть роль спокойныхъ зрителей. Въ это время, взволнованная, судорожно-трепетавшая Москва представляла ежедневно удивительныя зрѣлища.

Однажды утромъ, когда я былъ въ пріемныхъ комнатахъ графа Ростопчина, прискакалъ изъ арміи покрытый пылью курьеръ. Его окружили и стали спрашивать о послѣднихъ событіяхъ. Онъ назвалъ себя подполковникомъ графомъ Лезеромъ (de Lezair), адъютантомъ Багратиона, и вошелъ съ депешами въ кабинетъ генераль-губернатора. Спустя нѣсколько времени поднялась суматоха: призванъ былъ полицеймейстеръ, явились ординарцы, и вскорѣ разнесся слухъ, что пріѣхавшаго курьера отправляютъ въ Пермь съ полицейскимъ драгуномъ. Дѣйствительно, Лезеръ вышелъ изъ кабинета съ поникшей головой и со смущеннымъ лицомъ; за нимъ слѣдовали ординарцы, и онъ тотчасъ же отправился въ дальнюю дорогу. Подобно мнѣ, онъ самъ привезъ свой приговоръ; но я не знаю, почему съ нимъ поступили строже, нежели со мною: Лезеръ былъ освобожденъ только въ 1815 году, по окончаніи войны.

Если въ пріемныхъ комнатахъ Ростопчина разыгрывались такія сцены, то за обѣдомъ у него можно было отвести душу умною бесѣдою. По образованію своему графъ принадлежалъ старинной, королевской Франціи. Его врожденное остроуміе изощрилось рано, всегда было готово на безошадные сарказмы, а энергія его характера сообщала искрамъ его рѣчи, особенно если онъ былъ раздраженъ, силу смертоноснаго удара. Нельзя было безъ наслажденія прислушиваться къ его застольной бесѣдѣ, когда онъ пускалъ въ кого-нибудь свои стрѣлы. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, остроумныя замѣтки его разили преимущественно выскочекъ революціи. Однажды рѣчь коснулась Мюрата, наѣздъ котораго на Москву казался въ то время уже не невѣроятнымъ. Ростопчинъ сказалъ: „Если снять съ неаполитанскаго короля красивый, блестящій костюмъ и надѣть на него скромный и потертый мундиръ пѣхотинца, да вмѣсто лихости и прямодушія гусара придать ему утрюмость и пронырливость таможенника, то выйдетъ кронъ-принцъ шведскій“

(Бернадотъ). Въ другой разъ заговорили объ исторіи, и Карамзинъ назвалъ историческую правду гениемъ исторіи. Ростопчинъ возразилъ, улыбаясь: „Подите вы, любезный Николай Михайловичъ, съ вашимъ гениемъ! Если бы бытописателю пришлось питаться историческою правдою, онъ скоро умеръ бы чахоткою или даже съ голоду. Человѣкъ чудной судьбы, который теперь приближается къ намъ съ пушечнымъ громомъ, совершилъ довольно славныхъ дѣлъ, но и тотъ захотѣлъ дополнить свои дѣйствительные подвиги выдуманнми. Потому-то онъ и величаетъ исторію „условленною баснею“ (*une fable convenue*). Одинъ изъ моихъ предковъ, татарскій ханъ, назвалъ свое жизнеописаніе „тысяча и одна правда“, а шутъ ханскій предложилъ болѣе вѣрное названіе: „тысяча и одна ложь“. За это шуту отсчитали „тысячу и одинъ ударъ“ по пяткамъ, чтобы онъ помнилъ такую правду. Все суета, сказалъ царь Соломонъ. Я убѣжденъ, что о нынѣшнихъ моихъ здѣсь дѣйствіяхъ будетъ распространена тысяча и одна ложь и ни одной истины.“

Пятнадцать дней продолжалась ссылка моя въ Москвѣ. Я считалъ часы, минуты этого времени, какъ вдругъ запыхавшійся ординарецъ позвалъ меня къ генералъ-губернатору. Графъ встрѣтилъ меня съ радостнымъ лицомъ и сказалъ: „Поздравляю! Дѣло ваше приняло добрый оборотъ; вамъ дозволено возвратиться въ армію. Я сейчасъ только получилъ бумагу и спѣшу сообщить вамъ пріятную вѣсть“. Крѣпко, сочувственно пожалъ Ростопчинъ мою руку; я поблагодарилъ его отъ полноты сердца за его бладушныя и благородныя ко мнѣ отношенія.

Спустя часъ, шлагбаумъ опустился за мною и прятая тройка уже мчала меня въ армію. Здѣсь, въ мое отсутствіе, произошли важныя перемѣны, о которыхъ я упомяну коротко, потому что не пишу военной исторіи, а упоминаю только о томъ участіи, которое, по своему положенію, могъ принимать въ событіяхъ. Большинство въ арміи было того мнѣнія, что при Смоленскѣ, на границѣ старой Руси и по соединеніи обѣихъ армій, слѣдуетъ остановиться и дать отпоръ дерзкому врагу. Это мнѣніе сложилось скоро въ одинъ голосъ и въ одно убѣжденіе. Предводители же нашихъ дружинъ, зная численный перевѣсъ противника, видѣли въ Смоленскѣ лишь выгодную позицію, которую можно было оборонять извѣстное время и съ тѣмъ вмѣстѣ поддержать боевой духъ войска. Такимъ образомъ,

древнія стѣны и ворота смоленскія, нѣкогда одолѣнныя петардами, сдѣлались свидѣтелями и опорными точками кровопролитнѣйшаго боя новыхъ временъ и новаго военнаго искусства, боя, стоившаго французамъ едва-ли не двойной, въ сравненіи съ нашею, потери. Тѣмъ не менѣе численный перевѣсъ все еще оставался на ихъ сторонѣ и наше дальнѣйшее отступленіе обуславливалось необходимостію. Армія, напротивъ, въ сознаніи понесенныхъ ею трудовъ, одушевленная въ высшей степени желаніемъ не пускать врага далѣе, не довѣряла планамъ главнокомандующаго и въ этомъ недовѣрїи была поддерживаема голосомъ народа. И армія, и народъ, чуждые глубокихъ соображеній, смотрѣли на отступленіе Барклая какъ на трусость или какъ на неспособность, и надлежало обладать необыкновенною силою души, чтобы не смутиться при такомъ общемъ воплѣ и не уклониться отъ здраво-обсужденнаго плана. Единственною опорою, на которую могъ разсчитывать Барклай, былъ императоръ; но и государь сталъ тревожиться по мѣрѣ того, какъ непріятель вступалъ во внутрь имперїи. Барклай повторялъ, что „настоящая потеря только временная и скоро вознаградится гибелью непріятеля“, и когда мы еще страдали отъ лѣтняго зноя, онъ уже разсчитывалъ дѣйствія мороза и предсказывалъ вѣроятную судьбу французской арміи, если она углубится еще далѣе (*).

Помню, когда въ Дорогобужѣ рѣчь коснулась того, что непріятель можетъ проникнуть до Москвы, Барклай возразилъ, что „въ настоящемъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбѣ Россіи, можетъ быть и Европы, для него Москва не важнѣе всякаго другаго города, потому что теперь надобно думать не о сохра-

(*) Что Барклай давно обдумывалъ планъ отступленія, доказываетъ свидѣтельство писателя, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ русскому генералу. Матье Дюма, интендантъ наполеоновской арміи, разсказываетъ (*Souvenirs*, III, 416), что „еще до начала кампанїи, Нибуръ, въ Берлинѣ, говорилъ ему о планѣ Барклая. Нибуръ находился съ Барклаемъ въ близкихъ сношенїяхъ въ 1807 году, когда генералъ жилъ три мѣсяца въ Мемелѣ и лечился здѣсь отъ ранъ, полученныхъ при Эйлау. Въ бесѣдахъ съ Нибуромъ, Барклай сообщилъ ему свои мнѣнія по вопросу, если бы Наполеонъ вторгнулся въ Россію. Мнѣніе же Барклая заключалось въ слѣдующемъ: постояннымъ отступленіемъ завлечь французскую армію внутрь имперїи, утомлять ее, удалять отъ операціоннаго базиса, довести ее средства до истощенія и потомъ съ русскими войсками, подкрѣпленными свѣжими силами, и пользуясь позднимъ временемъ года, перейти въ наступленіе и приготовить врагу новую Полтаву“. Дюма сообщилъ обо всемъ этомъ Бертю, который, въ свою очередь, не преминулъ поставить въ извѣстность Наполеона.

Прим. О. Смирн.

нѣмъ городовъ и губерній, а о спасеніи имперій и королевствъ“. Такой взглядъ главнокомандующаго не нравился въ особенности людямъ знатымъ и вліятельнымъ, имѣвшимъ въ столицахъ богатая палаты, а ихъ мнѣніе было руководящимъ. Вслѣдствіе того общій гласъ требовалъ на мѣсто Барклая другаго вождя, если можно, то одного изъ представителей славнаго вѣка Екатерины. Указывали на Кутузова, на Бенигсена, на графа Палена (отца графа Петра). Послѣдній хотя никогда не командовалъ арміей, но былъ извѣстенъ своимъ энергическимъ характеромъ, дальновиднымъ умомъ и знаніемъ людей. Внявъ общему мнѣнію, императоръ Александръ назначилъ Кутузова, незадолго передъ тѣмъ одержавшаго побѣду надъ великимъ визиремъ и заставившаго окруженную турецкую армію положить оружіе, Кутузова, про котораго Суворовъ сказалъ, что „въ хитрости его не превзойдетъ и хитрѣйшій“.

Безпредѣленъ былъ восторгъ народа и арміи, когда сдѣлался извѣстнымъ выборъ государя: всѣ пожеланія, всѣ надежды слились съ новымъ вождемъ. Возведенный въ княжеское достоинство, Кутузовъ получилъ главное начальство не только надъ арміями Барклая и Багратиона, но и надъ всѣми дѣйствующими войсками. Зная, какъ никто, духъ, оживлявшій войска и народъ, онъ рѣшился дать желанное сраженіе для спасенія Москвы. Барклаю, съ силою великой души и полный благороднаго самоотверженія, радостно возвратился въ положеніе подчиненнаго.

Передъ самымъ пріѣздомъ Кутузова къ арміи, Барклаю намѣревался дать сраженіе при Царевомъ-Займищѣ; но Кутузовъ отошелъ еще на нѣсколько маршей къ селу Бородину, черезъ которое пролегаетъ большая московская дорога, и занялъ позицію, выбранную Бенигсеномъ. Дѣло 24-го августа поставило обѣ враждующія стороны лицомъ къ лицу. 26-го августа долженъ былъ разразиться страшный ударъ громаднхъ военныхъ силъ.

24-го августа, вечеромъ, курьерская тройка примчала меня изъ Москвы. Покрытый дорожною пылью, явился я къ Барклаю, который, тоже запыленный съ головы до ногъ, но пылью боевою, возвратился съ лѣваго фланга арміи, гдѣ происходилъ кровопролитный бой у Шевардина. Барклаю былъ утомленъ, лицо его носило отпечатокъ заботъ, но онъ ласково протянулъ мнѣ руку и поздравилъ меня съ пріѣздомъ. Некогда и не-

кстати было обращаться къ нему съ вопросами, съ жалобами, хотя сердце мое страдало; правда, утромъ на другой день, Барклай замѣтилъ мнѣ: „Левенштернъ, вы еще ничего не рассказали мнѣ о Москвѣ“, но въ тотъ самый моментъ, когда я хотѣлъ отвѣчать, прискакали адъютанты и ординарцы, и голосъ мой замеръ въ общемъ говорѣ....

Готовилось мировое событіе....

* * *